

Л. В. Zubova (Санкт-Петербург)

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В русской поэзии XX – начала XXI в. сослагательное наклонение часто становится и структурной доминантой текста, и способом экспрессивного выражения модальности, и объектом изображения. Пример структурной доминанты текста, в котором актуализирована ирреальность предполагаемого: *Как бы я / с этой женщиной жил! / За нее, безо всякой бравады, / я бы голову даже сложил, / что сложнее сложенья баллады. / Дав отставку вчерашним богам, / я б не слушал сомнительных сплетен. / И отдал бы ей все, чем богат. / И добыл бы ей все, чем я беден. / Я б ей верой и правдой служил! / Начиная одними губами, / Я бы так с этой женщиной жил, / Что в морях возникали б цунами! / И, за нею не зная вины / (что поделаешь – годы такие...), / наблюдал я лишь со стороны, / как бездарно с ней жили другие. / Но однажды (я все же везуч – / помогает нечистая сила) / протянула мне женщина ключ. / Поняла, позвала, поманила. / И теперь не в мечтах – наяву, / не в виденьях ночных, а на деле / как я с женщиной этой живу? / А как сволочь. Глаза б не глядели* (Геннадий Григорьев).

В композиции этого стихотворения длинный ряд конструкций, образно и пафосно конкретизирующих первую строку, резко контрастирует с обобщенно самокритичным коротким финалом. Эффект обманутого ожидания представлен и на событийном уровне, и на грамматическом. На грамматическом уровне происходит изменение дейксиса (отнесения событий к моменту речи) и таксиса (временной отнесенности событий друг к другу). Сначала кажется, что лирический герой сообщает о том, что с ним происходит в момент речи, а все описанное в сослагательном наклонении отнесено к гипотетическому будущему. Но потом выясняется, что и мечтательный пафос, и представление о счастливом будущем остались в прошлом.

Во многих текстах демонстративно избыточный повтор частицы *бы* выдвигает на первый план тщетность желаний, например: *как бы объяснить бы чтобы / стало бы понятно все бы / как бы все понять бы чтобы / смог бы объяснить бы все бы* (Борис Гринберг).

Частица *бы* организует аллитерации, в том числе бубнящий повтор: *Я как вспомню ревность, мальчик: она с другим, – / и вижу, что они делают, мальчик, – страшной, чем смерть. <...> Да горит тот проклятый год в необратимом огне, / о, во веки вечные, с ненавистью моей. – С такой, / что, когда бы не сделал небывшим бывшее Всемогущий, мне / бы пришлось, бы-бы, бы-бы-бы, это сделать своей рукой <...> как тогда, сослагательно был в плечо бы ей: бы-бы-бы* (Владимир Гандельсман). Здесь частица *бы* преобразуется в междометие, обозначающее отчаяние безъязычия.

Поэты дублируют частицу, помещая ее и в постпозицию, и в препозицию глаголов. В началах предложений и строк частица вопреки норме может становиться ударной: *бы в рот бы воды, / бы замел бы следы, бы залег бы на дно глубоко...* (Юнна Мориц). В таких случаях проявляется историческая память слова: форма аориста 2-го и 3-го лица от глагола *быти*, входившая в состав плюсквамперфекта, при распадении системы глагольных времен, постепенно утрачивая изменимость, иногда употреблялась в одном высказывании дважды – и как частица, и как глагол.

В позиции стихового переноса при несовпадении ритмических единств с синтаксическими могут перераспределяться проклитики и энклитики: *Себя не знает вещь сама / и ждет, когда я / бы выскочил весь из ума, / бы выскочил, в себе светая / быстрее, чем темнеет тьма* (Владимир Гандельсман). Автор подтверждает это перераспределение графическим сращением частицы с глаголом.

У Алексея Корецкого слияние частицы с глаголом сопровождается вставкой частицы внутрь слова: *лишь бы спрыгнуть с колеса / архаической орбитки, / лишь бы тот, кто держит битку, / не промахивалбься*. Здесь частица, становясь морфемой, обнаруживает свойство флексии: способность находиться перед возвратным постфиксом.

В ряде текстов вместо глаголов, имеющих форму, но не значение прошедшего времени, употребляются глаголы будущего времени: *Высокий чиновник Небесной управы / базар не фильтрует. / Зачем бы он станет следить за базаром, / ведь он за базар не ответит* (В. Строчков); *Вот так, без слов, я выйду бы во двор, / пока темно, пока не поздно. Рано* (Надя Делаланд); *на кровати лежишь, на пляжу ли ты, / все одно ты бормочешь сквозь зубы, / в моей жизни случаются жули-*

ки, / вот за это тебя увезу бы (Давид Паташинский). В таких весьма многочисленных случаях авторы нарушают норму грамматики в пользу семантики.

Подобное явление встречается и в придаточных предложениях цели, генетически связанных с сослагательным наклонением: *Двое было нас, меня и брата. / Показанья дали на меня. <...> Огласили, перепроводили – / И встречай, широкая страна! // После я кричал тому водиле, / Он держался, словно ни при чем: / Дескать, нас затем сюда родили, // Чтобы мы ее пересечем! /* (Мария Степанова).

Частица *бы* иногда присоединяется и к формам глаголов настоящего времени: *Она прекрасна как акация / ее прекрасней не найти / а я такую какакацию / хочу в рекламу поместить / чтоб там висит и улыбается / а я как ангел во плоти / смотрю туда и мне какангелу / охота по небу летать / чтоб я взлетаю в небо синее / где все какангелы вокруг / а эта снизу какакация / мне машет чем не разглядеть / чтоб все дивятся и волнуются / как типа здорово висит / о сколько разного приятного / реклама может содержать!* (Александр Левин).

Такой аграмматизм основан на парадоксе сослагательного наклонения: действие, отнесенное к гипотетическому будущему или настоящему времени, в норме должно быть выражено глаголом прошедшего. Если признать, что в сослагательном наклонении имеется форма прошедшего времени, а не ее омоним, и отвлечься от истории языка, то наиболее простым и убедительными представляется такое объяснение: «...это как бы предполагает отсылку к прошлому, предшествующему состоянию, в перспективе которого то, о чем говорится в сослагательном наклонении, представлялось возможным» [1, с. 40].

Поэтические тексты демонстрируют и возможность образования сослагательного наклонения, выраженного комбинацией неглагольного безличного предикатива с инфинитивом: *согрейся на солнце пока не поздно вернуться бы / а там глядишь и полюбит кто* (Александр Месропян); *Долго. В холодном доме, словно в разбитом шаре, / сесть на чужой кровати в зеленом шарфе. / Можно смотреть в окно бы. / Этого слишком много. / Долго – такое слово, его повторяешь долго* (Екатерина Боярских). Оба примера можно трактовать как эллиптические конструкции, но, кроме того, в первом из них отступление от нормы, вероятно, вызвано контаминацией выражений *пока не поздно*

вернуться и вернуться бы, во втором – инверсией компонентов высказывания *можно бы смотреть в окно*.

Таким образом, грамматические эксперименты в современной поэзии, осуществляя эстетическую функцию языка, способствуют и чувственному представлению грамматической категории, и ее аналитическому восприятию.

1. Успенский, Б. А. Восприятие времени как семиотическая проблема / Б. А. Успенский // Избр. труды / Б. А. Успенский. – М., 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 9–70.